

Д.Д. ШОСТАКОВИЧ: ЭТЮД К ПОРТРЕТУ

К.М. Долгов

Долгов Константин Михайлович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН. 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1.
E-mail: konstantin.dolgov@gmail.com

Мне вспоминаются разговоры по телефону и небольшая, к сожалению, единственная, встреча с нашим величайшим композитором Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. Он стал знаменитым не только в нашей стране, но и за рубежом сразу же после своих первых сочинений. И специалисты, и широкая публика, познакомившись с его произведениями, поняли, что это исключительное дарование и великий талант. Но настоящее признание пришло, пожалуй, с исполнением его знаменитой Седьмой симфонии, посвященной событиям Великой Отечественной войны. Эта симфония никого не могла оставить равнодушным. Трагедия, связанная с началом Второй мировой войны, а для нас с началом Великой Отечественной войны, звучала здесь настолько глубоко и трагично, что захватывала человеческую душу и сердце почти до физической боли и страдания, предвещая неисчислимые беды всем людям, живущим на земле, хотя, как это ни странно, чувствовался одновременно и оптимистический финал. Эта симфония сделала Шостаковича всемирно известным композитором.

Ещё во время учебы на философском факультете МГУ моим соседом по общежитию оказался Джорджи Балан, поступивший к нам в аспирантуру и писавший диссертацию по творчеству Д.Д. Шостаковича.

Он много раз просил меня познакомить его с философией Гегеля, с его диалектикой, ибо считал, что музыку Шостаковича по настоящему нельзя понять без хорошего знания диалектики. Я, со своей стороны, просил его познакомить меня с произведениями Д.Д. Шостаковича и дать соответствующее толкование наиболее сложных и трудных мест сочинений композитора. Так, мы много раз обсуждали содержание Десятой симфонии, одной из наиболее сложных его симфоний, где речь шла о борьбе добра с мировым злом, о судьбах человека и человечества. Самое любопытное, как мне кажется, что чем больше мы пытались дойти до сути содержания этого произведения, даже с участием некоторых профессоров Московской консерватории, например, профессора Я.И. Зака, тем более сложным и непонятным представлялась нам эта симфония. Тем не менее, наше сотрудничество принесло пользу как Джорджи Балану, так и мне: он стал довольно успешно справляться с темой своей диссертации, а я стал лучше и глубже понимать музыку великого композитора. Джорджи Балан успешно защитил диссертацию о творчестве Д.Д. Шостаковича, а я после окончания философского факультета поступил в аспирантуру и вскоре стал работать преподавателем в Институте общественных наук при ЦК КПСС, а затем консультантом журнала «Коммунист».

Работая консультантом отдела философии редакции журнала «Коммунист», а за-

тем консультантом отдела культуры этого же журнала, я по поручению руководства обращался к известным деятелям науки и культуры с просьбой написать для нашего журнала ту или иную статью. Однажды мне поручили связаться с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем и попросить его написать статью о советской музыке. Я позвонил ему по домашнему телефону, трубку подняла, видимо, его супруга, и я, представившись, попросил её позвать Дмитрия Дмитриевича. Я кратко изложил ему просьбу руководства журнала о том, чтобы он как один из самых выдающихся наших композиторов и руководителей Союза композиторов СССР написал нам статью о советской музыке. Немного помолчав, он сказал, что подумает над этим, хотя, к великому сожалению, в настоящее время он слишком занят проблемами своего творчества и может приступить к написанию такой статьи лишь через некоторое время. В связи с этим он просил меня через неделю или две позвонить ему. Когда прошло какое-то время, я снова позвонил Дмитрию Дмитриевичу. Он ответил, что приступил к осмыслению содержания статьи и, может быть, в ближайшее время, если что-то получится, он сообщит мне об этом. И действительно, я не помню, сколько прошло времени с момента нашего разговора, последовал звонок, когда Дмитрий Дмитриевич сказал, что написал статью и в ближайшие дни пришлёт её в редакцию.

Когда мне принесли эту статью, я, прочитав её несколько раз, с радостью вручил её главному редактору. Через некоторое время, как это было принято, статья обсуждалась на редакционной коллегии, где, как всегда, было сделано немало замечаний. Мне было поручено сообщить эти замечания Дмитрию Дмитриевичу с просьбой максимально их учесть и внести соответствующие поправки.

Я снова связался с Дмитрием Дмитриевичем по телефону и довольно подробно рассказал ему об этих замечаниях и пожеланиях. Терпеливо выслушав меня, он сказал: я подумаю над этим, позвоните мне через несколько дней.

Через несколько дней я позвонил Дмитрию Дмитриевичу. На мой вопрос, удалось

ли ему доработать статью в соответствии с замечаниями и пожеланиями редакционной коллегии, он ответил: я не знаю, в какой степени члены уважаемой редакции знакомы с музыкой вообще и с советской музыкой в частности, но, думая и размышляя над содержанием своей статьи, я пришел к выводу о том, что ничего в ней менять не следует, а тем более исправлять и выражать как-то иначе. Мне нет необходимости объяснять Вам и уважаемой редколлегии журнала, что для меня как музыканта статья о музыке – это такое же произведение, как сама музыка. Я целиком живу музыкой, а музыка живет во мне, и если у меня возникает желание что-то выразить на языке музыки или словесно, то это получается само собой, почти стихийно, свободно и, можно даже сказать, в законченном виде. Разумеется, мне, как и любому творческому человеку, требуется время на осмысление, прочувствование, вынашивание замысла. Но когда он уже созрел, то почти автоматически выражается в соответствующих музыкальных и словесных формах. Это в полной мере относится к данной статье. Поэтому я пришел к выводу, что ее надо публиковать именно в таком виде, в каком я ее написал, или совсем не публиковать. Передайте, пожалуйста, мое мнение редколлегии уважаемого журнала. Я, разумеется, был почти ошеломлен таким решением Дмитрия Дмитриевича, ибо надеялся, что он, как и многие другие авторы журнала, что-то изменит, поправит, как это обычно бывало, но такого решения я не ожидал. Тем не менее, я поблагодарил его и сказал, что, разумеется, сообщу его решение руководству журнала.

Когда я пришел к главному редактору и сообщил о решении Дмитрия Дмитриевича, то услышал в ответ резкую критику в свой адрес: Вы что, не могли уговорить его хоть что-то поправить, улучшить в соответствии с пожеланиями редколлегии? Какой же вы консультант, журналист, если не смогли уговорить автора изменить хотя бы некоторые положения его статьи и реализовать пожелания редакции? На что я ответил: Дмитрий Дмитриевич Шостакович, как всем известно, величайший композитор нашего времени. Как я мог уговаривать

его, воздействовать на него, чтобы он изменил что-то в своей статье о музыке, если я не имею серьезного музыкального образования и не являюсь специалистом в области музыки? В ответ я услышал: тогда мы подумаем о Вашем соответствии занимаемой должности. Я ответил: это ваше право.

Как это ни странно, но статья вышла в таком виде, в каком она была представлена Д.Д. Шостаковичем, чему я, откровенно говоря, был очень рад, несмотря на все неприятности, которые мне достались. Я радовался тому, что Дмитрий Дмитриевич не в силу каких-то капризов, какой-то ложной гордости, а именно в силу своего профессионализма, как великий композитор, даже в статье отстаивал свои взгляды и убеждения, хотя мог спокойно, как многие другие авторы, что-то чуть-чуть поправить, и не было бы никаких проблем. Но в этом сказало не только его величие как композитора мирового уровня, но и величие как личности, как человека.

Через некоторое время я оказался в Московской консерватории на вечере, посвященном классической западноевропейской музыке. Такие вечера, как правило, собирали всю музыкальную элиту, здесь можно было встретить всех выдающихся композиторов, музыковедов, деятелей культуры. Вдруг я чуть ли не лицом к лицу столкнулся с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. От неожиданности я даже растерялся, а потом поздоровался и выпалил: Вы знаете, это я тот консультант, который беседовал с Вами по поводу Вашей статьи в журнале «Коммунист». Ответив на мое приветствие, он сказал: да-да, я помню наши разговоры. Большое Вам спасибо за публикацию моей статьи – и Вам, и редколлегии. Я прочитал статью самым внимательным образом и убедился, что она была издана в таком виде, в каком я ее написал. Меня это порадовало, еще раз спасибо всем и Вам прежде всего. Он протянул мне руку и быстро сел на свое место в пятом или шестом ряду, где он обычно сидел.

В отличие от других знаменитостей, которые перед началом концерта прохаживались в фойе, беседовали, как бы демонстрируя себя, Дмитрий Дмитриевич, как правило, приходил, сразу садился на свое

место и скромно ожидал начала концерта. А после окончания концерта он так же тихо и незаметно уходил. То есть, ко всему прочему, это был исключительно скромный человек. Насколько глубоко он жил в мире музыки и особенно во время прослушивания серьезных музыкальных произведений свидетельствуют многие воспоминания о нем. Вот, например, воспоминания одного из величайших деятелей нашей отечественно культуры, создателя первого в стране и в мире детского музыкального театра Наталии Сац: «Занавес уже закрыли, а Шостакович продолжал сидеть в кресле четвертого ряда и глядеть куда-то в одну ему ведомую даль за сценой и оркестром. Я быстро шла по среднему проходу. Хотелось поближе взглянуть на артистов, которые, может быть, выйдут кланяться. Чуть задела рукавом Дмитрия Дмитриевича – он сидел с краю. От моего прикосновения Шостакович вздрогнул, привстал, повернулся ко мне.

– Огромное впечатление? – спросила я, пожимая его такие дорогие всем любящим музыку руки.

– Не впечатление – потрясение! – почти крикнул он, а потом, словно смутившись неожиданно высокой ноты в своем голосе, опустил голову с непокорными, как у мальчика, волосами и добавил тихо: – Ни одного спектакля этого театра не пропусти» [Сац, 1991: 579].

Д.Д. Шостакович так глубоко был связан со своим временем, своим народом и эпохой, что ему невозможно было отвлекаться на какие-то второстепенные проблемы и тем более пустые и малосодержательные разговоры. Он ходил так, как будто нес необычайно тяжелый груз, который при любом неправильном шаге мог его раздавить. Очень верно сказал о Д.Д. Шостаковиче наш выдающийся живописец Таир Салахов, написавший его прекрасный портрет: это человек, несущий груз всего XX века. Видимо, не случайно Дмитрий Дмитриевич редко давал интервью, редко выступал на публике с речами, и его редко можно было встретить где-либо свободно прогуливающимся и отдыхающим.

Я всю жизнь восхищался и восхищаюсь не только его музыкальным гением и та-

лантом, но и его личностью, которая может служить образцом жизни и поведения любого человека, чем бы он ни занимался. Видимо, не случайно и по сей день его про-

изведения исполняются во всем мире, а значение его творчества не только не снижается и не увядает, а напротив, год от года только возрастает.

D.D. SHOSTAKOVICH: SKETCH FOR A PORTRAIT

K.M. Dolgov

Konstantin M. Dolgov – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honored worker of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12-1. E-mail: konstantin.dolgov@gmail.com